

РУССКО-БЕЛОРУССКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ КАК ИСТОЧНИК КРЕАТИВА В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

С.А. РУТКЕВИЧ

*Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь*

« ...Как бы ни велика была роль языка в становлении личности, насколько бы важным ни было овладение родным языком как условие и одна из форм включения индивида в конкретный тип национальной культуры, социализация личности не сводится к ее «языковой адаптации», языковому приспособлению к реальному миру именно потому, что язык есть лишь посредник, лишь коммуникативное средство для осуществления тех видов деятельности, которые играют решающую роль в развитии общества и каждого из его членов.

Не менее ошибочна и другая, тоже крайняя точка зрения, согласно которой родным языком можно пренебречь, а целесообразность его изучения поставить в полную зависимость от политических целей» [А.Е. Михневич, с.м.1, с. 29-30].

В сознании некоторых рядовых носителей русского языка, использующих его в характерной для Беларуси ситуации более активно, чем белорусский, зачастую укореняется представление, что второй (тем более близкородственный) язык мешает овладению русским, развитию и социализации личности. Главные аргументы защитников такой «наивной» (но отнюдь не безобидной) позиции: неоправданность дополнительных затрат времени, материальных и интеллектуальных ресурсов на усвоение тех знаний, умений, которые вследствие отсутствия (в большинстве конкретных речевых ситуаций) коммуникативной необходимости оказываются чаще всего неактуализированными, нереализованными; множество фактов языковой интерференции в речи носителей русско – белорусского двуязычия.

Научный подход к обозначенной проблеме позволяет высказать несколько возражений сторонникам подобного «минимализма».

Возражение первое

«... Дитя, выучившись родному языку, вступает уже в жизнь с необъятными силами. Не условным звукам только учится ребёнок, изучая родной язык, но пьёт духовную силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить её ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живёт, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, даёт такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ» [К.Д. Ушинский; цит. по:1, с.26].

Действительно, цели обучения языку не исчерпываются развитием дара слова, формированием навыков грамотного письма, совершенствованием мышления при постижении грамматики. Важнейшая среди них – введение обучающихся в обладание тем культурным фондом, который зафиксирован в системе языковых значений.

При реализации первичных языковых потребностей (во второй сигнальной системе, позволяющей человеку мыслить и вступать в коммуникацию) социализация конкретного индивида протекает в условиях общения не на «языке вообще», а на определенном этноязыке. Часто это одно из средств общения среди всего того, включая диалекты, язык семьи, язык межнационального общения, что

образует первичную языковую среду, которая не может не быть национальной. Выработанные и вербально закреплённые в данной национальной среде социальные, интеллектуальные, нравственные, эстетические ценности, общественно – исторический опыт многих поколений сохраняются в той мере, в какой они восприняты благодаря языку и в значительной мере через язык каждым членом общности. Обогащение человека этими сокровищами способствует гармонизации обретения им своего места в мире людей, а наличие интереса к языку как сокровищнице культуры – один из признаков развитой личности.

Возражение второе

«Только когда появляется термин для сравнения, начинает становиться возможным освобождение мышления из плена слов, только тогда мы можем возвыситься до полной абстракции... Сравнивая разные формы выражения, мы отделяем понятие от знака, который его передаёт, и приучаемся лучше распознавать таким образом разные оттенки этого понятия» [Л.В.Щерба; см.2, с.316, 340].

Как личными, так и общественными интересами объясняется рост языковых потребностей, их специализация. Вторичные языковые потребности закономерны: язык призван служить не только средством общения, но и орудием общественной деятельности. Среди вторичных языковых потребностей (в совершенном владении родным языком; в расширении и углублении своих языковых познаний за счет других – национальных, полинациональных, интернациональных – языков) белорусскому также находится свое почетное место.

Конечно, его возможности как средства межнационального общения ограничены, но расширение сферы коммуникации – хоть и важная, не единственная функциональная подоплёка потребности в знании нескольких языков.

Всякое сравнение, сопоставление фактов нескольких языков помогает лучше, глубже понимать особенности системы и функционирования того или иного конкретного языка и природу естественного языка вообще, тем самым развивая мышление, включая лингвистический анализ (между тем социальный заказ на профессионалов такого анализа никогда не утратит своей актуальности вследствие исключительной важности языкового образования в формировании личности).

Далее будут рассмотрены несколько примеров инспирирования, подтверждения материалом белорусского языка ряда идей, продуктивных, на взгляд автора, для поиска нового знания о сущности некоторых языковых реалий, новых приёмов в лингводидактике.

Белорусские кальки с русского и проблемы теории калькирования

Господствующие в современной литературе представления о сущности и механизме калькирования номинативных единиц (в которых доминирует идея перевода иноязычия по структурным элементам) страдают «неуважением» к эмпирической данности, лишают «прав гражданства» многие несомненные кальки, не адекватны реальности.

Традиционно в лингвистике под калькированием названий понимается их перевод по значимым частям, что провоцируется количественным преобладанием в общем массиве калек тех из них, которые мотивированы лексическими эквивалентами мотиваторов иноязычий и образованы по таким же деривационным моделям (рус. ЧЕСТОЛЮБИЕ с греч. FILOTIMIA, рус. ВСЕСТОРОННИЙ с нем. ALLSEITIG, рус. НЕБОСКРЁБ с англ. SKYSCRAPER и мн. др.) [3, с. 203 – 204; 4, с. 217; 5, с. 169; 6, с. 185; 7 и мн. др.].

Но наличие других калек, мотивированных не идентично, хотя и коррелятивно, «созвучно» с объектами, свидетельствует, что реальный алгоритм калькирования не сводится к переводу значимых формантов иноязычия, что механизм калькирования тоньше, сложнее, а в его «работе» значительную роль играют закономерности ассоциирования понятий.

Допустить, что все кальки являются (будут являться) морфологическими копиями, «снятыми» со своих объектов, нельзя принципиально, если не игнорировать основных положений лингвистической теории значения. Критерием калькирования нельзя считать единственно и сами по себе идентичность мотивированности и деривационной оформленности названий воздействующего языка и языка – рецептора. Словообразовательная структура есть лишь внешняя форма выражения тех понятий,

которые выступают (в своей совокупности и организации) как внутренняя форма названия. Именно внутренняя форма, семантическая структура иноязычия и представляет конечный интерес для носителей калькирующего языка: она «подсказывает», какой семантический материал может быть использован для мотивации своеязычного эквивалента. Что же касается закрепления компонентов семантической структуры номинатора за теми или иными материальными носителями, то здесь между разными языками могут быть следующие различия: 1) в распределении понятий по уровням языковой структуры (то, что в одном языке выражается только лексически, в другом может также выражаться грамматически: англ. LITTLE KEY – рус. КЛЮЧИК); 2) в том, что «должно быть сказано эксплицитно, а что может быть оставлено домысливаемым из логики контекста и ситуации речи» [8, с. 48]; 3) «в одном и том же значении языковой единицы несколько более простых понятий могут быть скомпонованы в одно структурно сложное понятие как в рамках однословного названия, так и в рамках дву-, трех...словного» [там же].

Различия между разными языками в выражении, передаче, комбинировании понятий, мотивированно структурирующих значение номинативной единицы, предопределяют появление в результате языковых контактов таких калек, которые: 1) будучи простыми словами, восходят к сложным (рус. ПЕРЕДНИК с нем. VORTUCH, чешск. KYSLIK с лат. OXIGENIUM, рус. УГОЛОВНИК с нем. HAUPTVERBESCHER и др.); 2) будучи сложными, соответствуют простым (нем. VATERLAND с лат. PATRIA, бел. СПАДКАЁМЕЦ с рус. НАСЛЕДНИК и др.); 3) будучи двусловными номинантами, восходят к однословным (рус. ДЕТСКИЙ САД с нем. KINDERGARTEN, польск. LAMACZ LODU с рус. ЛЕДОКОЛ, польск. DRAPACZ CHMUR с англ. SCUSCRAPER и др.); 4) будучи однословными названиями, вызваны к жизни фонетически раздельнооформленными прототипами (рус. ПРАВОБЕРНЫЙ с греч. ORTHOS DOXANTA, бел. РУДЗЯК с рус. БУРЫЙ ЖЕЛЕЗНЯК и др.); 5) отличаются от объектов количеством словообразовательных аффиксов (рус. ПОТУСТОРОННИЙ с нем. JENSEITIG, др. рус. НОВОНАСАЖЕННЫЙ с греч. NEOFITOS, др. рус. БЛАГОУЧЕНИЕ с греч. EVTAXIA, бел. НАПАЎДЗІКІ с рус. ПОЛУДИКИЙ и др.); 6) отличаются от объектов порядком следования компонентов (рус. ГОЛОВОЛОМКА с фр. CASSE – ТЕТ, бел. ВІДАВОЧНЫ с рус. ОЧЕВИДНЫЙ и др.); 7) мотивированы не эквивалентами мотиваторов объектов, а ассоциатами (польск. NIBUNOŻKI с рус. ЛОЖНОНОЖКИ, укр. ХМАРОЧОС с англ. SKUSCRAPER и др.); 8) сочетают в себе несколько из перечисленных признаков (рус. НЕЗАБУДКА с нем. VERGISSMEINNICHT – инверсия компонентов, несовпадение количества корневых морфем; см. ещё раз польск. LAMACZ LODU и DRAPACZ CHMUR, где кроме несовпадения способов образования кальки и объекта налицо инверсия компонентов ксенонима, неэквивалентность мотиваторов кальки и объекта).

Кроме требований соответствия своеязычным особенностям передачи и объединения компонентов значения номинативной единицы, калька должна удовлетворять требованиям органичности положения в системе языка и употребления в речи. Это требования фонетические, словообразовательные, лексические, стилистические. Они касаются благозвучности слова, его слоговой длины, его парадигматических и синтагматических связей, его стилистических признаков и т.д. Поэтому варьирование модели образования и мотивированности объекта, сосуществование различных вариантов кальки с одного и того же объекта (один из которых впоследствии будет предпочтен говорящими: см., например, рус. ЗАКОНОДАНИЕ, ЗАКОНОДАВАНИЕ, ЗАКОНОДАВСТВО, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО с греч. NOMOTESIA) – не досадные отступления от мнимых, навешанных поморфемно – переводным «гипнозом», правил калькирования, а закономерные явления, свидетельствующие о наличии в процессе калькирования явной или скрытой стадии адаптации кальки в системе своего языка.

К выводам о несостоятельности концепции поморфемного перевода приводит анализ русских калек с греческого, латинского, западноевропейских языков [7; 9-12 и др.]. Но еще более богатый материал для доказательства неправомочности формального подхода к феномену представляют собой белорусские кальки с русских наименований. Среди них, наряду с такими, которые с внешней стороны похожи на деривационные копии со своих объектов (так как мотивированы и структурно оформлены идентично с объектами: АБСКАРДЖАННЕ с ОБЖАЛОВАНИЕ, ГАСРАЗЛІК с ХОЗРАСЧЁТ, АГУЛЬНАКАРЫСНЫ с ОБЩЕПОЛЕЗНЫЙ, ВЫПРАМЕНЬВАЦЬ с ИЗЛУЧАТЬ, УШЧЫЛЬНУЮ с ВПЛОТНУЮ и мн. др.), существует много других «индуцированных» русскими прототипами производных [13; 14].

Их сопоставление с объектами обнаруживает: 1) количественное несовпадение морфемного состава (ШКЛОВЫДЗІМАЛЬШЧЫК – СТЕКЛОДУВ, АБНЯСЛАВІЦЬ – ОСЛАВИТЬ и др.); 2) оформленность разными способами словообразования (ВОКАМГНЕННЫ – МГНОВЕННЫЙ,

СПАДКАЁМЕЦ – НАСЛЕДНИК и др.); 3) инверсию компонентов названия (ВІДАВОЧНЫ – ОЧЕВИДНЫЙ, МАТЧ У АДКАЗ – ОТВЕТНЫЙ МАТЧ и др.); 4) варьирование мотивации обозначения (ВЫЛУЧЭНЕЦ – ВЫДВИЖЕНЕЦ, АЖЫЦЯВІЦЬ – ОСУЩЕСТВИТЬ, БОЛЕСУЦШАЛЬНЫ – БОЛЕУТОЛЯЮЩИЙ, РАСПАЎСЮДЖВАЦЬ – РАСПРОСТРАНЯТЬ и др.); 5) соответствие фонослову синтаксического деривата и наоборот (АХОВА ЗДAROЎЯ – ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, САМАЎЗВАЖНИК – АВТОМАТИЧЕСКИЕ ВЕСЫ и др.); 6) наличие нескольких калек с одного обозначения (ВЫНАХОДЦА, ВЫНАХОДНИК – ИЗОБРЕТАТЕЛЬ, БЯГЛЯК; УЦЯКАЧ – БЕГЛЕЦ и др.); 7) сочетание каких – либо из перечисленных признаков (РЭЧАІСНАСЦЬ – ДЕЙСТВЕННОСТЬ, РУДЗЯК – БУРЫЙ ЖЕЛЕЗНЯК, СПРАВАЗДАЧА – ОТЧЁТ и др.).

Чаще всего наблюдается варьирование способа аргументации обозначения. Отсутствие в белорусском языке точных (прежде всего стилистически) соответствий мотиватором таких слов, как ОТОЖДЕСТВИТЬ, ПРЕХОДЯЩИЙ, ИЗОБРЕТАТЬ, СОРЕВНОВАТЬСЯ, ПРЕДШЕСТВЕННИК, БЕСПРИЗОРНИК, ПРИУРОЧИТЬ, ВЕРОЯТНЫЙ, ЦЕЛЕСООБРАЗНЫЙ, отнюдь не явилось препятствием к их калькированию: АТАЯСАМІЦЬ, МІНУЧЫ, ВЫНАХОДЗІЦЬ, СПАБОРНІЧАЦЬ, ПАПЯРЭДНІК, БЕСПРЫТУЛЬНІК, ПРЫМЕРКАВАЦЬ, ВЕРАГОДНЫ, МЭТАЗГОДНЫ. Показательны также уход из употребления калек АДБІВАЦЬ (с ОТРАЖАТЬ) и УЦЕЛАЎЛЯЦЬ (с ВОПЛОЩАТЬ) и замена их более органичными кальками АДЛЮСТРОЎВАЦЬ, УВАСАБЛЯЦЬ.

Как видим, необходимость соответствия деривационного оформления кальки условиям, возможностям языка – рецептора, установкам его носителей (например, на сохранение его самобытности, на расподобление названий во избежание приращения количества омонимов и паралекс) исключает корректность такого понимания калькирования, согласно которому его сущность в том, чтобы «осмыслять морфологический состав иностранных слов и, переводя их – морфему за морфемой, – создавать «снимки» с них, морфологические копии...» [5, с. 169].

«Номинативную единицу следует рассматривать независимо от фонослова. Фонослово, представляя собой объединение корневой и классифицирующей морфем, типично заключает в себе номинативное значение. Но из этого не следует, что способом выражения данного значения непременно является фонослово» [15, с. 31]. Создание раздельнооформленного номинанта, словосочетания, которое при условии успешности функционирования в речи приобретает устойчивость, воспроизводимость, спаянность компонентов, т.е. лексикализуется, - наиболее простой способ кодификации понятия, хотя основной и идеальный (в плане экономного обозначения, но не в плане дифференцирующих возможностей или способности «удержать» в пределах формы возрастающую многозначность) – образование слова, цельнооформленного номинанта.

Устойчивые словосочетания терминологического характера, в отличие от слов и нетерминологических словосочетаний, как правило, прозрачно мотивированы, лишены идиоматичности, созданы по меньшему количеству моделей. Всё это вместе с близкородственностью калькирующего языка, казалось бы, должно иметь своим следствием полное совпадение мотивации и деривационного оформления белорусских калек и их русских прототипов. В большинстве случаев оно и наблюдается: СУДОВЫ ВЫКАНАЎЦА – СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ; НЕРУХОМАЯ МАЁМАСЦЬ – НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО; АБМЕН РЭЧЫВАЎ – ОБМЕН ВЕЩЕСТВ; БЛУКАЮЧАЯ НЫРКА – БЛУЖДАЮЩАЯ ПОЧКА; БЕЗАСАБОВЫ СКАЗ – БЕЗЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ; КРОПКА З КОСКАЙ – ТОЧКА С ЗАПЯТОЙ; АДКРЫЦЬ РАХУНАК (ЛІК) – ОТКРЫТЬ СЧЁТ; ХУТКАЯ ДАПАМОГА – СКОРАЯ ПОМОЩЬ; ПРАМЯНЁВАЯ ХВАРОБА – ЛУЧЕВАЯ БОЛЕЗНЬ; ЧАЛАВЕКАПАДОБНЫЯ МАЛПЫ – ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ; ЧАРОТАВЫ КОТ – КАМЫШОВЫЙ КОТ; КРЫТЫЧНЫ СТАН РЭЧЫВА – КРИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ВЕЩЕСТВА; СПАЖЫВЕЦКАЯ ВАРТАСЦЬ – ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ СТОИМОСТЬ и т.д.

Но в калках РУДЗЯК – БУРЫЙ ЖЕЛЕЗНЯК, САМАЎЗВАЖНИК – АВТОМАТИЧЕСКИЕ ВЕСЫ, МАТЧ У АДКАЗ – ОТВЕТНЫЙ МАТЧ, БІЗНЕС – КОЛЫ – ДЕЛОВЫЕ КРУГИ, замечаем прежде всего структурное несоответствие объекту. В терминах (НЕ)РАЗВІТЫ СКАЗ – (НЕ)РАСПРАСТРАНЁННЕ ПРАДЛОЖЭННЕ, (НЕ)ЗАКОНЧАНАЕ ТРЫВАННЕ – (НЕ)СОВЕРШЭНЫЙ ВІД, ПРЫГОЖАЕ ПІСЬМЕНСТВА – ИЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ, ПУНКЦ КІПЭННЯ (ДОТЫКУ) – ТОЧКА КІПЭННЯ (КАСАНИЯ), У АДЗІН ДОТЫК – В ОДНО КАСАНИЕ имеем дело с неэквивалентностью мотиваторов кальки и объекта. А с таких объектов, как, ОБОРОНЯЮЩИЙСЯ (РАСПАСОВЫВАЮЩИЙ, РАЗВОДЯЩИЙ, РАЗЫГРЫВАЮЩИЙ, СВЯЗУЮЩИЙ и т.д.) ИГРОК, АТАКУЮЩИЙ БОРЕЦ (ИГРОК), СТОЯЦАЯ СПЕРЕДИ (СЗАДИ) НОГА, и в принципе строго терминологических калек быть не может, так как на месте русских

действительных причастий настоящего времени в белорусском выступают придаточные определительные части сложного предложения.

Таким образом, и в массиве белорусских калек с русских двусловных (преимущественно) терминов находим немало подтверждений того, что: 1) в основе калькирования лежит не механическое копирование мотивированности и деривационного оформления ксенонима, а интерпретация объективированного в иноязычии способа аргументации обозначения в своеязычной системе средств и правил (моделей) деривации с целью адаптации новообразования к потребностям общения; 2) сущность калькирования – в провоцировании идеей мотивации иноязычия сходного принципа организации внутренней формы своеязычного обозначения той же реалии; оно предопределяется актуализацией в сознании носителя языка – рецептора семантической структуры ксенонима, а на внешнем уровне вовсе не должно (и в принципе не может) всегда запечатлеваться именно в виде симметричной закреплённости соответствующих сем за их материальными носителями, так как соотношение «понятие (сема) – форма его выражения» диалектично и может быть разным в разных языках (см. например, как в трех разных медицинских терминах – латинизмах понятие закреплено за одним носителем, а в русских кальках – за тремя: *HIATUS AORTICUS* – АОРТАЛЬНОЕ ОТВЕРСТИЕ, *HIATUS MAXILLARIS* – ВЕРХНЕЧЕЛЮСТНАЯ РАСЩЕЛИНА, *HIATUS TENDINEUS* – СУХОЖИЛЬНАЯ ЩЕЛЬ).

Концепция поморфемного перевода только начинает преодолеваться в лингвистике [16 – 18], и белорусский языковой материал помогает исследователю найти дополнительные аргументы в пользу необходимости ее ревизии.

Калькирование есть билингвальный (полилингвальный) номинативный процесс, при котором именование чего – либо опосредуется выявлением способа аргументации соответствующего иноязычного обозначения и протекает как интерпретация этого способа в системе своеязычных средств. (Если в испытываемом влиянии языке уже имеется название этой реалии, задача такого процесса – всего лишь этимологизировать иноязычие: см. гипотетические русские кальки с англ. *ICE* – *CREAM*, *SEA* – *DOG* и т. п.)

Словообразовательное и семантическое калькирование, как моделированные способы производства названий, коррелируют с самостоятельным словообразованием. Отличие в том, что при калькировании наблюдается «наведение», инспирирование, провоцирование ксенонимом (иногда несколькими внешними влияниями) модели организации внутренней формы. Мотивация, поиск признака предмета, который бы аргументировал его обозначение, – обязательная ступень номинативного процесса. Мотивированность названий в языке необходима: она «способствует организации и хранению системы знаков в памяти, поскольку тем или иным способом упорядочивает их ... обеспечивает системность ... надежность функционирования наиболее сложной части языка – лексики» [19, с. 162-163].

Универсальная закономерность человеческого мышления – опосредование каждого его нового шага предыдущим. Отсюда – производство новых названий от уже имеющихся и сохранение ими структурно-семантической связи с производящими, т.е. внутренней формы, мотивированности (семантический характер внутренней формы заключается в том, что в ней зафиксирован путь осмысления человеком с помощью языка предметов и явлений внешнего мира» [20, с. 116].

Сходство мотивации кальки и объекта не сводится к эквивалентности деривационно – мотивирующих элементов, оно обнаруживается вследствие совпадения в обоих названиях наборов семантических полей, в которые входят производящие (мотивирующие) понятия, и вследствие сходства типовых смысловых отношений между этими понятиями: см. укр. *ХМАРОЧОС*, польск. *DRAPACZ CHMUR*, нем. *WOLKENKRATER* с англ. *SKYSCRAPER*; бел. *МАЛАНКАТРЫВАЛЫ* с рус. *ГРОЗОУПОРНЫЙ* и др.

Механизмом, обеспечивающим и направляющим усвоение принципа мотивации объекта, при калькировании является не столько перевод, сколько закономерности ассоциирования понятий. Выявление в ксенониме способа аргументации отношения именованного есть актуализация в сознании не только тех концептов, что соотносятся с деривационно – мотивирующими элементами, но и их ассоциатов. Семантические пространства, в границах которых сознание оперирует этими ассоциативно связанными концептами, являются районами поиска мотивирующей базы кальки. И выбор может быть остановлен на понятии, входящем в ассоциативный «шлейф» того, которое десигнировано соответствующим формантом иноязычия (или дано пресуппозитивно): например, реакция «половина» неизбежна при стимуле «середина» и именно этой реакцией мотивированна русская калька *ПОЛУНОЦНЫЙ* с греч. *MESOS NIKTOS*.

Вызов внутренней формой иноязычия тех или иных ассоциаций соотносительны с тем, что происходит при усвоении значения (как молярной единицы сознания) в ходе восприятия того или иного знака своего языка: при знаково опосредованном психическом процессе движения от слова к передаваемому им смыслу происходит развертывание реципиентом психологической (категориальной) структуры значения в том виде, в каком она сформировалась у него в результате предшествующей речевой и когнитивной деятельности (а также вследствие той мотивации речемыслительной деятельности, которая актуальна для данного случая восприятия и осознания этого значения). Психологическая структура значения – это «система соотнесения и противопоставления слов в процессе их употребления ... иерархизированный набор наиболее обобщённых категорий, определяющих построение и содержание значения» [21, с. 34]. Ассоциативный ореол значения мотиватора иноязычия как бы экспонирует для носителей калькирующего языка семантическую структуру этого значения. И если калька мотивирована ассоциатом мотиватора объекта, значит в семантике ее производящей базы так или иначе отразилась, сохранилась семантика соответствующего форманта иноязычия, значит произошел «перелив» мотивирующего значения объекта, причем лишь какой – то его части (что верно даже для так называемых «точных» калек, ведь абсолютной эквивалентности значений двух слов (морфем) разных языков, как правило, не наблюдается).

Усвоение принципа мотивации иноязычия следует, таким образом, понимать не как его механическое заимствование, «сканирование», а как интерпретацию, редактирование этого принципа (способа его реализации) в своеязычной системе средств номинации. Причём так обстоит дело и в тех случаях, когда калька оказывается идентично мотивированной и оформленной, ибо калькирование, как активное проявление языковой компетенции, есть творческий процесс, ибо понятия «интерпретация», «преобразование» в наибольшей степени соответствуют специфически человеческому характеру оперирования информацией («Мы рассматриваем организм человека как активный преобразователь информации, всегда стремящийся к обобщению и истолкованию поступающих сенсорных данных и к интерпретации и восстановлению информации, хранящейся в его памяти, с помощью разного рода алгоритмов и стратегий» [22, с. 91]).

Как видим, белорусские кальки с русских номинативных единиц убедительно свидетельствуют в пользу необходимости семасиологической и психолингвистической направленности рассуждений при исследовании калькирования, то есть заставляют понять, что объяснить логику процесса, найти сущности, которыми оперирует языковая компетенция билингва, позволяет акцентирование внимания на соотносительности элементов семантической структуры названия с вербальными ассоциациями на это название. Анализ белорусского материала помогает «освободить» логику калькирования от произвола субъективности переводчика и «перепоручить» ее универсальным закономерностям организации и функционирования лексического компонента языковой способности человека; он позволяет утверждать, что калькирование мы вправе усматривать (разумеется, при наличии экстралингвистических доказательств) во всех тех случаях, когда номинативная единица языка-рецептора указывает адрес обозначаемого путем иерархического связывания деривационно – мотивирующих элементов из тех же понятийных (ассоциативных) областей, что и связанные соответствующим номинантом языка-донора, и по тем же комбинаторным правилам.

Место и роль русско-белорусской компаративистики в преподавании обоих языков

Современный белорусский язык сохраняет массу фактов лексического, грамматического, фонетического уровней, унаследованных из древнерусского языка: такие слова, как АБРУС, АРАЦЬ, БО, БРАХАЦЬ, ВЕЖА, ЗГУБИЦЬ, ЗЯЗЮЛЯ, ДАЛОНЬ, КЛОПАТ, ЛІЧЫЦЬ, НАДЗЕЯ, НАЛЕЖАЦЬ, ЛЕПШЫ, РАБІЦЬ, ПАКЛЁП, СЕЛЯНІН, ТУЛІЦА, УХАПЦЬ, и др. , сохранились с их прежними значениями, а такие, как БЛАГІ, БУЙНЫ, ГАДЗІНА, ЧАС, ЗЛОДЗЕЙ, ПЛОТ и др. , - с изменёнными; сохранилось древнерусское полногласие (ВОРАГ, ПАЛОН, СОРАМ, САЛОДКІ, ГАЛОЎНЫ и др.); сохранился звук [γ] в окончаниях прилагательных (в формах родительного и винительного падежей мужского и среднего родов) – СТАРОГА, СІНЯГА, БЫЛОГА и т. п.; сохранились некоторые падежные формы (дательный существительных женского рода ЗЯМЛІ, ВОЛІ и т.д.), формы двойственного числа (ПЛЯЧЫМА, ВАЧЫМА), форма звательного падежа от некоторых существительных (СЫНКУ) и т.д.

И грешно словеснику не воспользоваться скрытыми в этих языковых фактах воспитательными возможностями. Имеется в виду воспитание интереса к общему историческому прошлому, интереса и уважения к обоим языкам. Нужно только актуализировать эти моменты на уроках и белорусской, и

русской словесности. Например, одна только фраза из «Слова о полку Игореве»: «... И древо с тугою к земли преклонилось...» - настоящая роскошь для вдумчивого педагога.

Многие унаследованные из древнерусского языка слова, являясь общими для современного русского и белорусского, имеют в них различную стилистическую закреплённость. Сосредоточение внимания на этом моменте, конечно же, углубляет нашу рефлексию над языком и, стало быть, развивает интерес к нему, а кроме того, это имеет и практическую ценность, так как помогает овладевать функциональными стилями речи. Можно, скажем, предложить обучающимся выполнить такое упражнение: «Вы добра ведаеце, што наступныя словы – ДРЭВА, ЦЯЖКА, КЛКАЦЬ, СЦЯГ, ВОКА, ПРЫГОЖЫ, НЕВЯДОМЫ, НЕЗНАЁМЫ, КРЫЎДА, СМАЧНЫ, ХВОРЫ, ВЫЗВАЛІЦЬ, ЗДАВАЦЦА («быць падобным да чаго – небудзь, да каго – небудзь»)... – з’яўляюцца ў беларускай мове міжстылявымі. А за якім стылем маўлення яны замацаваны ў рускай мове? Прывядзце некалькі прыкладаў ужывання гэтых слоў у абедзвюх мовах».

Развитию интереса к языку может способствовать сравнение внутренней формы русского и белорусского слов, называющих общую реалию, общее понятие, т. е. сравнение разных способов аргументации названий одного и того же. Объяснимость названия, выводимость его из уже известных, распознаваемость мотивирующих название признаков референта имени фиксируют для носителей языка то вечное движение ассоциаций, которое и являет собой реальную историю языка, его функционирование. Что может быть интереснее для обучающегося, чем анализ способов языкового мышления, который не может не удивить той истиной, что этимология слова характеризует не только сам предмет, но и человека, давшего ему название:

ГОЛУБИКА –ДУРНІЦЫ, БУЯКІ; КУЗНЕЧИК – КОНІК; КЛЮКВА – ЖУРАВІНЫ; ГОЛОВАСТИК – АПАЛОНІК; ЗЕМЛЯНИКА –СУНІЦЫ; МАЙСКИЙ ЖУК – ХРУШЧ; СМОРОДИНА – ПАРЭЧКІ; ГОДОВАЛЫЙ ЖЕРЕБЁНОК – ПЯРЭЗІМАК; СПИЧКИ – ЗАПАЛКІ, СЯРНІЧКІ; УЧЕБНИК – ПАДРУЧНИК; ТЕТРАДЬ – СШЫТАК; ПИСЬМО – ЛІСТ; ЖАРА, ЗНОЙ – СПЯКОТА; ГРУДНОЙ РЕБЁНОК – НЕМАЎЛЯ, НЕМАЎЛЯТКА; ПРАЗДНИК – СВЯТА; ЗУБОСКАЛ – ВЫШЧАРКА; ДЕВЯСИЛ – ДЗІВАСІЛ; ОСНОВАТЕЛЬНО, ОБСТОЯТЕЛЬНО – ГРУНТОЎНА; СОДЕРЖАНИЕ – ЗМЕСТ; СЛУЧАЙ – ВЫПАДАК; СЕРЁЖКА – ЗАВУШНІЦА; КАТАШОК, КОЦІК; СЛУХ, ТОЛК (в знач. «молва») – ПАГАЛОСКА или ПОГАЛАСКА; СОВЕТ – НАРАДА; НАГОНЯЙ – ПРАЧУХАНКА и др.

Сравнение этимологии слов, помогая выявить, сопоставить образы, положенные в основу названий, воспитывает эмоциональное, эстетическое отношение к слову. Эту же задачу можно успешно решать, предлагая учащимся сравнить образность фразеологических единиц, подбирая аналоги к белорусским и русским фраземам, поговоркам: ШТО ХАТА МАЕ, ХАЙ УСІМ ПРЫМАЕ и ЧТО ЕСТЬ В ПЕЧИ, ВСЁ НА СТОЛ МЕЧИ; НЯМА ЧАГО КОЗАМІ СЕНА ПСАВАЦЬ и НЕ МЕЧИ БИСЕР ПЕРЕД СВИЬЯМИ или ОВЧИНКА ВЫДЕЛКИ НЕ СТОИТ; ХТО КАГО ЛЮБІЦЬ, ТОЙ ТАГО І ЧУБІЦЬ и МИЛЫЕ БРАНЯТСЯ – ТОЛЬКО ТЕШАТСЯ; ШТО ВІНЕН, АДДАЦЬ ПАВІНЕН и ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН; ХОЦЬ БАЧЫЦЬ ВОКА, ДЫ ДАЛЁКА и ХОТЬ ВИДИТ ОКО, ДА ЗУБ НЕЙМЁТ и т.д.; З’ЕХАЦЬ З ГЛУЗДУ и СОЙТИ С УМА; ПУСЦІЦЬ З ТОРБАМІ и ПУСТИТЬ ПО МИРУ; ПАБЫЦЬ НА КАНІ І ПАД КАНЁМ и ПРОЙТИ ОГОНЬ, ВОДУ И МЕДНЫЕ ТРУБЫ; САЎКА, ДА НЕ Ё ТЫХ САНКАХ и ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ и т. д.

При изучении лексики современного русского языка с точки зрения её происхождения, говоря о заимствованиях, можно заострить внимание, например, на тех германизмах, которые есть 1) и в русском, и в белорусском (ШТУРМ, ЦИФРА, ЦЕХ, БУТЕРБРОД, ШЛАГБАУМ, БУХГАЛТЕР, ЗОНА, ШАХТА и т.д.), 2) только в белорусском (ЛІХТАР, ГАНАК, ДАХ, ФАРБА, ЦВІК, ДРУК и др.), 3) только в русском языке (например, БРАК – ср:ШЛЮБ)...

Особого внимания требуют так называемые «горячие точки» в лексике (например, межъязыковые омонимы и паронимы: КОНИК и КОНІК; ЗЛОДЁЙ и ЗЛОДЗЕЙ; СТОЛ и СТОЛЬ; КРАСКИ и КРАСКІ; ПЛОТ и ПЛОТ; ЗОРЬКА и ЗОРКА; УЗОР и УЗОР; ПОКОЙ и ПАКОЙ; НЕДЕЛЯ и НЯДЗЕЛЯ; ТРЕСКА́ и ТРЭСКА; ПРИКЛА́Д и ПРЫКЛАД; АРБУЗ и ГАРБУЗ; КУВАЛДА и КАВАДЛА; УСТАТЬ и УСТАЦЬ и т.д.), в грамматике (например, различная родовая принадлежность некоторых общих для русского и белорусского языков слов: МЕДАЛЬ, ШИНЕЛЬ, ГУСЬ, СОБАКА), в орфоэпии (например, различия в акцентологии: ВЁРБА – ВЯРБА; ОСО́КА – АСАКА́; ВОЛО́СЫ – ВАЛАСЫ́; В ГО́ЛОВУ – У ГАЛАВУ́; СОБРАЛА́ – САБРА́ЛА и т. п.), в орфографии...Эта кропотливая работа по предупреждению интерференции, кроме практической необходимости, имеет немаловажное значение для формирования у обучающихся представления о существенных свойствах языка (об асимметрии языкового кода, о диалектике формы и содержания в языке).

Таким образом, второй язык, простое сравнение фактов двух языков, билингвизм, помогает учить и русский, и белорусский, и вообще что бы то ни было, поскольку развивает мышление.

Использование белорусской лексики при изучении латинского языка

В белорусском языке, вследствие специфики его контактов с другими языками, помимо общих с русским заимствований из латинского, есть немало латинизмов – гетеролекс, имеются также латинизмы в составе собственно белорусских фразем (см. МЕЦЬ РАЦЫЮ, ВЕШАЦЬ НОС НА КВІНТУ...).

Такая особенность белорусского языка обеспечивает дополнительный дидактический ресурс при изучении латинского языка как в двуязычной аудитории (независимо от степени симметричности – асимметричности белорусско-русского билингвизма), так и в сугубо русскоговорящей.

Например, в учебнике Н.Л.Кацман и З.А.Покровской [23], в разделе VI («Система перфекта»), в текстах для перевода есть предложение *Themistocles muros restituit, quos Persae deleverant*. Переводя самую, пожалуй, важную для понимания всей фразы словоформу *muros*, студент может найти в лексическом минимуме не только перевод начальной формы данного слова, но и лексические единицы других языков, содержащие в своей словообразовательной структуре данный латинский (по происхождению) корень: «*murus*, *i*, *m* стена (преимущественно городская); франц. *mur m*, *muraille f*; *murat* стенной; англ. *muir* окружать стеной, *mural* стенной; нем. *Mauer f* стена, *Mauerer m* каменщик; русск. замуравывать» [23, с.144]. К этому ряду вдумчивый педагог может добавить белорусизм ПАДМУРАК («фундамент, основание»); к тому же, он может начать данный перечень «подсказок» со славянских языковых единиц.

Усвоению глагола *pingo*, *pinxi*, *pictum*, *pictere* («рисовать, изображать») будет способствовать тот факт, что в качестве первой или одной из первых ассоциаций выступит не только англ. *picture* («картина, рисунок») или рус. пиктография, но и бел. ПЭНЗАЛЬ («кисть»).

Знакомя обучающихся с латинскими словами, выражениями, пословицами, афоризмами, употребляющимися в литературной речи без перевода, также можно активно привлекать белорусский материал, чтобы инициировать, интенсифицировать, автоматизировать семантизацию соответствующих латинских элементов.

Например, латинскую поговорку *Oleum et operam perdidit* («(Я) масло и труд потерял(а)»), то есть «всё насмарку, все труды (мои) пропали даром») быстрее, легче, твёрже усвоят те обучающиеся, которым понять значение первого слова поможет (возможно, наряду с англ. *petroleum* и др.) белорусский эквивалент АЛЕЙ («растительное масло; елей»). Бесценна «подсказка» белорусского языка ФЭСТ («церковный праздник; вообще праздник с ярмаркой, гуляньем») при усвоении латинского выражения *post festum* (см.рус. эквиваленты спустя лето в лес по малину, к шапочному разбору и рус. фестиваль). Сопоставим также латинское клише *privatissime* («самым частным образом») и белорусское прилагательное ПРывАТНЫ (стилистически нейтральное и гораздо более частотное по сравнению с рус. ПРИВАТНЫЙ).

Тем более целесообразно использование белорусских обозначений в тех случаях, когда среди лексических параллелей из новых языков нет русских единиц.

В том же учебнике находим глагол *edūco*, *educāvi*, *educātum*, *educāre*. При нём дан перевод и параллели из французского и английского языков: «...воспитывать; фр. *eduquer*, *education f* воспитание; англ. *educate, education* воспитание» [1, с.144]. «Подкрепление» в виде бел. АДУКАЦЫЯ («образование»), несмотря на семантический сдвиг, явно поможет быстрее, прочнее усвоить латинскую лексическую единицу. Ещё один пример: и глаголом *noto*, *notāvi*, *notātum*, *notāre*, и выражением *nota bene* (аббревиатурой NB) помогают овладеть не только параллели из французского, английского, немецкого (соответственно *noter*, *note*, *notieren* «отмечать, замечать»; см.1, с. 51), но и буквально «просящиеся» быть вспомненными (особенно в русско-белорусской аудитории) белорусские лексемы НАТАТКА («краткая запись, заметка»), ЗАНАТАВАЦЬ («записать что – нибудь для памяти, сделать заметки»), ЗАНАТОЎКА (то же, что нататка).

АМАТАР («любитель») в связи с глаголом *amo*, *amāvi*, *amātum*, *amāre* («любить»); ВЕРШ («стихотворение») в связи с существительным *versus* («стих, стихотворная строка»); АГРЭСТ («крыжовник») в связи с прилагательным *acer*, *acris*, *acere* («острый, едкий; жесткий») - эти и другие белорусские слова (АРКУШ, АХВЯРАВАЦЬ, БІСАГА, ВЭЛЮМ, ГАРМАТА, ІМПРЭЗА, ІМПЭТ, КАЛЯДЫ, КЕЛІХ, КРАТЫ, КОЛЕР, КАПЯЛЮШ, КАРАЛІ, ЛЯМАНТ(АВАЦЬ), МЭТА, ПАТЭЛЬНЯ, ПРАПАНАВАЦЬ, РУЙНАВАЦЬ, РАЗЫНКІ, РАПТАМ, СКАРБОНКА, ТРЭНЧЫЦЬ, ТУРБАВАЦЬ, ФУНДАТАР, ХАЎТУРЫ, ЦЫТВАР...) могут «верой и правдой» служить

преподавателю латинского языка, способному творчески использовать ситуацию белорусско-русского двуязычия для того, чтобы среди лексических параллелей из новых языков была представлена (или массирована) и «родная, активная» составляющая.

Таким образом, привлечение параллелей из белорусской лексики (фразеологии) – весьма продуктивный метод в изучении латыни, позволяющий облегчить, убыстрить, упрочить овладение некоторыми лексическими единицами, навыками перевода, словообразовательного анализа. В общекультурном, педагогическом смысле ценно то, что результатом использования данного метода может стать появление, активизация, углубление интереса к исторической лексикологии белорусского языка, к белорусскому языку вообще, к истории и культуре Беларуси.

Как видим, освоение другого языка (пусть даже близкородственного и в контексте асимметричного билингвизма) позволяет индивидууму аккумулировать, реализовать в практической деятельности мощный интеллектуальный, эмоциональный, педагогический, общекультурный потенциал. Общественная востребованность такого ресурса в современных условиях несомненна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михневич, А.Е. Потребности материальные, духовные и ... языковые /А.Е.Михневич// Общество – язык – политика/ А.А.Лукашанец, А.Е.Михневич, В.К.Щербин. – Минск: Вышэйшая школа, 1988. – С. 7 – 51.
2. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В.Щерба. – Л.: Наука, 1974.
3. Русский язык: Учебник для студентов высших педагогических заведений/ Л.Л.Касаткин, Е.В.Клобуков, Л.П.Крысин и др.; под ред. Л.Л.Касаткина. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
4. Сямешка, Л.І. і інш. курс беларускай мовы: падручнік / Л.І.Сямешка, І.Р.Шкраба, З.І.Бадзевіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1996.
5. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII – XIX веков /В.В.Виноградов. – 3-е изд. – М.: Высш. шкл., 1982.
6. Добродомов, И.Г. Заимствование / И.Г. Добродомов // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979.
7. Флекенштейн, К. О кальках с немецкого в современном русском литературном языке / К.Флекенштейн // Славянская филология. – М.: 1963. – Вып. 5 – С. 298 – 309.
8. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В.Никитин. – М.: Высшая школа, 1988.
9. Вялкина, Л.В. Лексико – семантическое варьирование при передаче на русский язык греческих слов и словосочетаний / Л.В.Вялкина // История русского языка и лингвистическое источниковедение. – М.: Наука, 1987. – С. 52 – 57.
10. Вялкина, Л.В. Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала / Л.В.Вялкина // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 94 – 118.
11. Еленски, Й. Историческая лексикология русского языка / Й.Еленски. – В. Търново: ВТУ, 1980. – 293 с.
12. Кондрашов, Н.А. Семантическое обогащение русского языка в процессе калькирования / Н.А.Кондрашов // Семантика слова и словоформы в тексте. – М., 1988. – С. 14 – 20.
13. Крукоўскі, Н.І. Рускі лексічны ўплыў на сучасную беларускую літаратурную мову / Н.І.Крукоўскі. – Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1958.
14. Баханькоў, А.Я. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд / А.Я.Баханькоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982.
15. Никитевич, В.М. Основа номинативной деривации / В.М.Никитевич. – Минск: Вышэйшая школа, 1985.
16. Ефремов, Л.П. основы теории лексического калькирования / Л.П.Ефремов. – Алма – Ата: Казахский университет, 1974.
17. Ткаченко, В.А. Теоретические и практические аспекты калькирования / В.А.Ткаченко// Языковые ситуации и взаимодействие языков. – Киев: Наукова думка, 1989. – С. 178 – 203.
18. Руткевич, С.А. Лексическое калькирование как билингвальный номинативный процесс: Автореферат дис. на соиск. уч. ст. к-та филолог. наук / С.А.Руткевич. – Минск: БГУ, 1991. – 18 с.
19. Супрун, А.Е. План содержания и план выражения языкового знака / А.Е.Супрун // Общее языкознание. – Минск: Вышэйшая школа. 1983.
20. Плотников, Б.А. Основы семасиологии / Б.А.Плотников. – Минск: Вышэйшая школа, 1984.
21. Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф.Петренко. – М.: Издательство Московского университета, 1988.
22. Линдсей, П., Норман Д. Переработка информации у человека / П.Линдсей, Д.Норман. – М.: мир, 1974.
23. Кацман, Н.Л. Латинский язык: учебник для студентов высших учебных заведений / Н.Л.Кацман, З.А.Покровская. – 6-е изд. – Москва: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2006. – 456 с.
24. Булыка, А.М. Лексічныя запазычаны ў беларускай мове XIV – XVIII ст. ст. /А.М.Булыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 256 с.
25. Данилов, В.В. Латинские слова и выражения, вошедшие в литературную речь без перевода / В.В.Данилов // Русский язык в школе. – 1938. – №3 – С. 63 – 99.

RUSSIAN AND BELARUSIAN BILINGUALISM AS A SOURCE OF INNOVATION IN LINGUSTICS AND LINGUODIDACTICS

S.A. RUTKEVICH

Summary

The article is devoted to the debatable question concerning the reasonability of mastering the second language under conditions of closely related bilingualism. The examples of linguistic, linguistic-didactic innovations given by the author prove the existence of significant cognitive, pedagogical, educational potential in mastering the knowledge of the system and functioning of another language.

Поступила в редакцию 20 августа 2009г.